

Последнее слово

Текст сверен с изданием: А. И. Куприн. Собрание сочинений в 9 томах. Том 5. М.: Худ. литература, 1972. С. 124 -- 129.

Да, господа судьи, я убил его!

Но напрасно медицинская экспертиза оставила мне лазейку, -- я ею не воспользуюсь.

Я убил его в здравом уме и твердой памяти, убил сознательно, убежденно, холодно, без малейшего раскаяния, страха или колебания. Будь в вашей власти воскресить покойного -- я бы снова повторил мое преступление.

Он преследовал меня всегда и повсюду. Он принимал тысячи человеческих личин и даже не брезговал -- бесстыдник! -- переодеваться женщиной. Он притворялся моим родственником, добрым другом, сослуживцем и хорошим знакомым. Он гримировался во все возрасты, кроме детского (это ему не удавалось и выходило только смешно). Он переполнил собою мою жизнь и отравил ее.

Всего ужаснее было то, что я заранее предвидел все его слова, жесты и поступки.

Встречаясь со мною, он всегда растопыривал руки и восклицал нараспев:

-- А-а! Ко-го я вижу! Сколько ле-ет... Ну? Как здоровье?

И тотчас же отвечал сам себе, хотя я его ни о чем не спрашивал:

-- Благодарю вас. Ничего себе. Понемножку. А читали в сегодняшнем номере?...

Если он при этом замечал у меня флюс или ячмень, то уж ни за что не пропустит случая заржать:

-- Что это вас, батенька, так перекосило? Нехоро-шо-о-о!

Он наперед знал, негодяй, что мне больно вовсе не от флюса, а от того, что до него еще пятьдесят идиотов предлагали мне тот же самый бессмысленный вопрос. Он жаждал моих душевных терзаний, палач!

Он приходил ко мне именно в те часы, когда я бывал занят по горло спешной работой. Он садился и говорил:

-- А-а! Я тебе, кажется, помешал?

И сидел у меня битых два часа со скучной, нудной болтовней о себе и своих детях. Он видел, как я судорожно хватаю себя за волосы и до крови кусаю губы, и наслаждался видом моих унижительных мучений.

Отравив мое рабочее настроение на целый месяц вперед, он вставал, зевая, и произносил:

-- Всегда с тобой заболтаешься. А меня дела ждут. На железной дороге он всегда заводил со мною разговор с одного и того же вопроса:

-- А позвольте узнать, далеко ли изволите ехать? И затем:

-- По делам или так?

-- А где изволите служить?

-- Женаты?

-- Законным? Или так?

О, я хорошо изучил все его повадки. Закрыв глаза, я вижу его, как живого. Вот он хлопает меня по плечу, по спине и по колену, делает широкие жесты перед самым моим носом, от чего я вздрагиваю и морщусь, держит меня за пуговицу сюртука, дышит мне в лицо, брызгается. Вот он часто дрожит ногой под столом, от чего дребезжит ламповый колпак. Вот он барабанит пальцами по спинке моего стула во время длинной паузы в разговоре и тянет значительно: "Н-да-а", и опять барабанит, и опять тянет: "Н-да-а". Вот он стучит костяшками пальцев по столу, отхаживая отыгранные пики и прикрывая: "А это что? А это? А это?..." Вот в жарком русском споре приводит он свой излюбленный аргумент:

-- Э, батенька, ерунду вы порете!

-- Почему же ерунду? -- спрашиваю я робко.

-- Потому что чепуху!

Что я сделал дурного этому человеку, я не знаю. Но он поклялся испортить мое существование и испортил. Благодаря ему я чувствую теперь глубокое отвращение к морю, луне, воздуху, поэзии, живописи и музыке.

-- Толстой? -- орал он и устно, и письменно, и печатно. - Состояние перевел на жену, а сам... А с Тургеневым-то он как... Сапоги шил... Великий писатель земли русской... Уrrа!..

-- Пушкин? О, вот кто создал язык. Помните у него: "Тиха украинская ночь, прозрачно небо"... А женато его, знаете, того... А в Третьем отделении, вы знаете, что с ним сделали? А помните... тсс... здесь дам нет, помните, как у него эти стишки: